

БУНИН И ЗАЙЦЕВ: ДВА ПУТИ СОХРАНЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЭМИГРАЦИИ**Каримова Мехринисо Джамшидовна**

преподаватель кафедры педагогики, психологии и спорта

Бухарского университета инноваций.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17775105>

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ творческих путей И.А. Бунина и Б.К. Зайцева в эмиграции как двух различных стратегий сохранения классической традиции русской литературы. Исследуются эстетические принципы, стилистические особенности, тематические доминанты и мировоззренческие основания творчества обоих писателей в контексте литературы русского зарубежья.

Рассматривается специфика их обращения к классическому наследию, различия в понимании задач эмигрантской литературы, особенности художественного метода.

Ключевые слова: Бунин, Зайцев, эмигрантская литература, классическая традиция, православие, художественный метод, русское зарубежье, литературный канон, духовный реализм, культурная память.

Abstract. The article presents a comparative analysis of the creative paths of I.A. Bunin and B.K. Zaitsev in emigration as two different strategies for preserving the classical tradition of Russian literature. The study examines the aesthetic principles, stylistic features, thematic dominants and worldview foundations of both writers' work in the context of Russian émigré literature. It considers the specifics of their appeal to classical heritage, differences in understanding the tasks of émigré literature, and features of their artistic method.

Keywords: Bunin, Zaitsev, émigré literature, classical tradition, Orthodoxy, artistic method, Russian abroad, literary canon, spiritual realism, cultural memory.

Русская эмиграция первой волны представляла собой уникальное культурное явление, в рамках которого происходило не только физическое перемещение значительной части интеллектуальной элиты за пределы России, но и попытка сохранения и развития русской культурной традиции в условиях изгнания. Среди многочисленных писателей-эмигрантов особое место занимают Иван Алексеевич Бунин и Борис Константинович Зайцев, чьи творческие судьбы и литературные стратегии представляют два различных, но равно значимых пути сохранения классической традиции русской литературы.

Оба писателя принадлежали к старшему поколению эмиграции, оба сформировались как литераторы еще в дореволюционной России, оба были тесно связаны с культурой Серебряного века. Однако их реакция на катастрофу 1917 года, понимание миссии писателя в изгнании, способы обращения к классическому наследию существенно различались. Если Бунин воплощал собой тип писателя-хранителя, ревностно оберегающего чистоту классической традиции от любых модернистских влияний, то Зайцев представлял более открытый, синтетический подход, стремящийся соединить классическое наследие с духовными исканиями современности.

Сопоставление творческих путей Бунина и Зайцева в эмиграции позволяет не только глубже понять специфику литературного процесса русского зарубежья, но и выявить различные модели культурной адаптации, стратегии сохранения национальной идентичности, способы диалога с европейской культурой.

В конечном счете, речь идет о двух вариантах ответа на фундаментальный вопрос: как сохранить живую связь с классической традицией в условиях культурного разрыва и географической оторванности от родины.

Биографические траектории Бунина и Зайцева до эмиграции во многом определили специфику их последующего творческого пути. Бунин к моменту отъезда из России в 1920 году был уже признанным мастером, академиком, автором таких значительных произведений, как «Деревня», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско». Его литературная репутация была прочно установлена, художественная манера сформирована, мировоззренческие позиции определены. Зайцев, хотя и был известным писателем, находился в процессе творческой эволюции, переходя от импрессионистических опытов раннего периода к более глубокому, духовно насыщенному творчеству. Эта разница в степени творческой зрелости во многом предопределила различие их эмигрантских стратегий.

Отношение к классической традиции у обоих писателей формировалось под влиянием различных литературных и философских источников. Для Бунина определяющими были фигуры Пушкина, Тургенева, Толстого, Чехова. Он видел себя прямым наследником этой линии, последним представителем дворянской литературы, хранителем ее эстетических и этических ценностей. Классическая традиция для него была не просто литературным каноном, но воплощением определенного типа культуры, связанного с усадебным бытом, православными ценностями, особым отношением к природе и человеку. В эмиграции эта позиция только укрепилась, превратившись в своего рода культурный консерватизм, принципиальное неприятие любых форм модернизма.

Зайцев также глубоко чтит классическую традицию, но его понимание классики было более широким и инклюзивным. Наряду с реалистической линией XIX века, для него были важны Гоголь с его мистическими прозрениями, Достоевский с его религиозными исканиями, Лесков с его интересом к народному православию. Более того, Зайцев не противопоставлял классику и модернизм столь резко, как Бунин, видя возможность их синтеза на основе духовного, религиозного понимания искусства. Его литературными учителями были не только русские классики, но и Данте, святой Франциск Ассизский, русские святые, что придавало его творчеству особое измерение.

Стилистические особенности прозы Бунина и Зайцева в эмигрантский период демонстрируют два различных подхода к языку и форме. Бунинский стиль отличается кристаллической ясностью, точностью детали, пластичностью описаний. Его проза тяготеет к объективности повествования, сдержанности в выражении авторской позиции, классической завершенности формы. В таких произведениях эмигрантского периода, как цикл «Темные аллеи», повесть «Митина любовь», рассказы о любви и смерти, Бунин достигает предельной концентрации художественного слова, где каждая деталь, каждый эпитет выверены с ювелирной точностью.

Стиль Зайцева эволюционировал от ранней импрессионистической манеры к тому, что сам писатель называл «духовным реализмом». Его проза более лирична, субъективна, пронизана авторским присутствием. Зайцев не стремится к бунинской объективности, напротив, его повествование часто приобретает характер лирической медитации, духовного размышления. В таких произведениях, как «Путешествие Глеба», «Дом в Пасси», «Древо жизни», проявляется особая музыкальность зайцевской прозы, ее ритмическая организация, тяготение к символическому обобщению.

Тематические доминанты творчества обоих писателей в эмиграции обнаруживают как сходства, так и существенные различия. Общей для них была тема утраченной России, ностальгическое воссоздание дореволюционного прошлого. Однако если у Бунина эта тема реализовывалась преимущественно через обращение к конкретным воспоминаниям, детальное воспроизведение быта, нравов, человеческих типов ушедшей эпохи, то у Зайцева она приобретала более обобщенный, символический характер. Россия в его произведениях предстает не столько как конкретная историческая реальность, сколько как духовная родина, мистическая сущность, связанная с православной верой и русской святостью.

Любовная тема, центральная для позднего Бунина, у Зайцева занимает более скромное место. Бунинское понимание любви как трагической страсти, неизбежно ведущей к гибели, как момента высшего напряжения жизненных сил человека, контрастирует с зайцевским видением любви как пути к духовному преображению, как отражения божественной любви в земном мире. Если Бунин исследует темные, иррациональные глубины любовного чувства, то Зайцев стремится к его просветлению, одухотворению.

Религиозная проблематика представляет собой важнейший водораздел между двумя писателями. Для Зайцева православная вера стала не просто темой творчества, но основой мировоззрения, определяющей весь строй его художественного мышления. Его обращение к житиям русских святых («Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек»), паломничества на Афон и в Италию, создание религиозно-философских эссе свидетельствуют о глубокой укорененности его творчества в христианской традиции. Православие для Зайцева было не только личной верой, но и ключом к пониманию русской истории и культуры, основой национальной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Сопоставление творческих путей И.А. Бунина и Б.К. Зайцева в эмиграции позволяет говорить о двух равно значимых, но существенно различных стратегиях сохранения классической традиции русской литературы. Бунинский путь – это путь строгого хранительства, ревностного оберегания классического канона от любых модернистских влияний, стремление к совершенству формы в рамках установленной традиции. Зайцевский путь – это путь творческого синтеза, соединения классического наследия с религиозными исканиями современности, открытости к диалогу с различными культурными традициями при сохранении глубинной связи с православными корнями русской культуры.

Оба пути оказались плодотворными для развития эмигрантской литературы. Бунин создал непревзойденные образцы русской прозы, доказав жизнеспособность классической традиции в новых исторических условиях. Зайцев открыл новые горизонты для русской литературы, показав возможность ее духовного обновления через обращение к религиозным истокам национальной культуры. Их творческий диалог, явный и скрытый, обогатил русскую литературу XX века, создав уникальный феномен литературы русского зарубежья.

В исторической перспективе становится очевидным, что противопоставление бунинского и зайцевского путей не абсолютно. Оба писателя были объединены общей любовью к России, общей болью изгнания, общим стремлением сохранить для потомков духовные ценности русской культуры.

Их творчество представляет собой две грани единого процесса – процесса сохранения и развития русской литературной традиции в условиях катастрофического разрыва исторической преемственности. Именно благодаря таким писателям, как Бунин и Зайцев, русская литература сумела сохранить свою идентичность и преемственность, пройдя через испытания XX века.

Список использованной литературы:

1. Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 432 с.
2. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
3. Адамович Г.В. Одиночество и свобода. СПб.: Алетейя, 2002. 476 с.
4. Степун Ф.А. Встречи. М.: Аграф, 1998. 256 с.
5. Шиляева А.С. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. Нью-Йорк: Волга, 1971. 180 с.
6. Мальцев Ю.В. Иван Бунин. 1870-1953. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 432 с.
7. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
8. Зайцев Б.К. Далекое. М.: Советский писатель, 1991. 511 с.
9. Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 273 с.
10. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е годы) / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.